

Категории *animalium* и *anthropos* в ранних формах религии

Оболонская Анна Александровна

Студент (бакалавр)

Санкт-Петербургский государственный университет, Институт философии,
Санкт-Петербург, Россия

E-mail: anya.obolonskaa@gmail.com

Исследователь религиозного искусства и культуры, профессор Д. Апостолос-Каппадо-на, рассуждая об эволюции человеческого восприятия животного, делает акцент на том, что в эпоху первобытного существования животные и их изображения вызывали «священную динамику», а произведения искусства были «одновременно проводниками и сосудами Священного» [1, с. 439], и тем самым утверждает мысль, что именно изображение животных в искусстве, их визуальная репрезентация - это симптом религиозного состояния человечества. *Animalium* наделён сакральными качествами целостности, достоинства и жизненной силы, фундаментальными для сущности «животного» (в отличие от «зверя»). Со временем, по мнению учёного, роли *animalium* и т. н. *anthropos* («человека») переопределились в сторону антропоморфизации первого, что свидетельствует о переоценке религиозных и культурных ценностей. Принципиальное отличие ранней религиозности в восприятии животного состоит в парадоксальном осознании двух взаимоисключающих, на первый взгляд, параметров: 1) целостность, определяющая самодостаточность животного, его «субъектность»; 2) возможность преодоления границ и единения с этой субъектностью (т. е. с другим) в процессе религиозного ритуала. Как отмечает Апостолос-Каппадона, наша современность (которую следует понимать широко - как нашу эру и немногим ранее) характеризуется утратой первого и обречённым поиском второго. В данной работе мы ставим себе целью показать необходимость сосуществования обоих представлений для возможности разговора о религиозном, его генезисе и «симптоматике», а также продемонстрировать такое сосуществование в ранних формах религии как определяющее не только отношение человека и животного, но и - в целом - отношение человека с нечеловеческим.

Оппозиция *animalium* и *anthropos* - ключевой аспект нашего рассмотрения, маркирующий стороны проводимой границы между человеком и миром, которая, по нашему мнению, существует лишь для преодоления её в контексте ритуального и мифического действия. Здесь мы снова перейдём к определению животного как иного субъекта во взаимоотношении с человеком. Необходимо сказать, что так понятое животное неизбежно включается в расширяющиеся рамки *anthropos*, человеческого, следовательно, собственно анималистическая составляющая в его природе - это инаковость, его бытие субъектом в иной манере, нежели у человека. Тем не менее, отличие от репрезентации животного как объекта лежит именно в этой области взаимодействия, включающей его влияние на человека и собственную динамику в жизни окружающего мира. Говоря проще, отношение к субъекту формулируется как «со мной», но не «для меня».

Такое понимание рождается из опыта восприятия жизни существ в тесных отношениях с другими, в их постоянном обмене ресурсами, циркуляции, выходящей за рамки простой прагматики. Антропологам и историкам культуры давно известно представление коренных народов и, в целом, древнего и современного мифологического сознания о целокупности Вселенной, в которой каждое создание участвует как необходимая часть плана или механизма. Как пишет Т. Берри, в такой перспективе Вселенная воспринимается как «единый великолепный праздник, космическая литургия, в которую люди вступают посредством своих ритуальных танцев в моменты ежедневных и сезонных изменений, на

рассвете и закате, в моменты равноденствия и солнцестояния» [2, с. 8]. Иными словами, пограничные, можно сказать, лиминальные (ключевые, жизненно важные) состояния дают наиболее полное понимание упорядоченности мира, его соотнесённости с человеком, что вместе с тем позволяет и изменить естественный порядок вещей. Идея о возможности обретения качеств животного в ходе ритуалов симпатической магии, о духовном либо телесном родстве человека и животного, возможность единения с ним как иным, по сути, является прямым следствием обращения к различным способам существования в мире как к «ты», а не к «это» [4]. Природные явления, принадлежащие природе существа регулярно воспринимались в терминах человеческого опыта, а человеческий опыт воспринимался в терминах космических (т. е. природных) событий.

Таким образом, отношение к животному как самостоятельно целостному существу и образу внешнего - в некотором смысле, *imagine mundi*, - влечёт восприятие его атрибутивных черт и осознание возможности совместного, сопричастного бытия с ними. Одновременно это рождает и то, что можно назвать благоговением, продуцирующим религиозное - принятие уникальности *animalium* наряду с ощущением общности и родства с ним. По замечанию историка искусства М. Бриона, доисторическое искусство полно гармонии, благородства и величия, во-первых, потому, что оно, по сути, основано на истине, на том знании, которое исходит из чувства единства со своим предметом; возможно, также на своего рода духовном братстве между человеком и животным. Это то, что делает его в высшей степени религиозным [3, с. 22].

Источники и литература

- 1) Apostolos-Cappadona, D. *On the Dynamis of Animals, or How Animalium Became Anthropos.* – A communion of subjects : animals in religion, science, and ethics / Paul Waldau, and Kimberley Patton, editors. – Columbia University Press. – New York, 2006.
- 2) Berry, Thomas. *Loneliness and Presence.* – – A communion of subjects : animals in religion, science, and ethics / Paul Waldau, and Kimberley Patton, editors. – Columbia University Press. – New York, 2006.
- 3) Brion, M. *Animals in Art* (London: George C. Harrap and Co., 1959)
- 4) Frankfurt H., et. al, *Before Philosophy: The Intellectual Adventure of Ancient Man: An Essay on Speculative Thought in the Ancient Near East* (Chicago: University of Chicago Press, 1946; Baltimore: Penguin Books, 1974).